

ЧТО СКРЫВАЕТ ГНИГА

Гнига (Кручёных, Терентьева, Зданевича и любая другая) скрывает в себе, а вернее вскрывает, открывает процесс гниения историй и языков.

Таким образом, гнига — это гниющая книга.

Обычная книга — это каменная, картонная, кирпичная, кожаная, деревянная, глиняная, железная или пластмассовая книга. Она — памятник, надгробие, обелиск тем историям, тем языкам и мыслям, которые заключены в книге как в тюрьме, могиле, саркофаге.

Гнига же — это живущая, бегающая, дышащая, какающая, бормочущая, пляшущая, блеющая, болеющая и исчезающая книга. Это гнига-организм, в котором, кроме всего прочего, очевиден процесс гниения, старения, смерти.

Обычная книга действительно и упорно пытается скрыть, заслонить, утаить старение, разложение и смерть.

Гнига же показывает, что гниение и разрушение всегда с нами.

Обычно считается, что гниение — процесс изменения чего-либо в наихудшую сторону. Но это не совсем так.

Гниение — процесс разложения органических соединений, прежде всего белковых веществ, под действием микробных ферментов. Гниение составляет один из важных этапов в круговороте веществ в природе. В результате гниения из сложных органических соединений образуются простейшие вещества — аммиак, углекислота, вода, сероводород, фосфор-

ная, азотная, азотистая и серная кислоты, которые в живой природе служат исходными веществами для нового синтеза сложных органических соединений. При гниении мяса и рыбы образуются птомаины, обладающие токсическими свойствами. В организме человека процесс гниения происходит в основном в толстой кишке, где существуют оптимальные условия для жизнедеятельности гнилостных бактерий. Токсические соединения, образовавшиеся при гнилостном распаде белка в кишечнике, с кровью попадают в печень, где происходит их обезвреживание. Интенсивность процессов гниения в кишечнике человека невелика, однако при ряде патологических состояний, сопровождающихся выделением в просвет кишечника крови, различных экссудатов или при кишечной непроходимости она возрастает, что может привести к эндогенной интоксикации. Опасно развитие гнилостной инфекции в ранах. Однако умеренное, контролируемое иммунитетом организма бактериальное гниение белков является необходимой частью пищеварения.

Гнига демонстрирует всё это на уровне языка, слова.

Гнига открывает нам процессы пищеварения и гниения языка, обычно скрываемые в книгах, как скрывается процесс переработки пищи организмом под покровами тела. Гнига — инструмент обнаружения явлений брожения, ферментации, метаболизма внутри языка и сюжета. Все эти процессы переносятся с глубокой периферии, на которой они существуют в обычных книгах, в самый центр гнижного эксперимента. Таким образом, гнига — это открытый, обнажившийся организм речи, где видны все биохимические процессы, происходящие на языковом микроуровне.

Кроме того, гнига показывает, что гниение подобно мышлению. Она вскрывает не только гниение словесной материи, но и становление и распад идей и образов. Именно поэтому гнига не может принадлежать какому-то определённом

автору с набором идей-образов — и вместе с тем не является вещью в себе. Гнига существует только благодаря постоянному пересечению и перечёркиванию разных языковых пластов и отдельных словечек, которые атакуют и расчлняют друг друга, а затем разрушаются на наших глазах — гниют.

Гнига — не текст.

Книга и текст подразумевают возможность чтения, поглощения и активного участия читателя в становлении текста. Гнига же — это весёлый дар не-чтения. Гнигу, которая обнаруживает процесс пищеварения и разложения языка, нельзя есть и переваривать как обычные книги. Гнига несъедобна. Она развивает способность читателя к не-чтению, к воздержанию от потребления книг, к аскезе, к гнижному голоданию. Гнига — механизм, открывающий в отношении к слову иные (различные) возможности — отвращения, уклонения, недоверия, смеха, наблюдения, игры, созерцания, лени, деактивации языковой машины.

С гнигой нужно обращаться иначе, чем с книгами. В наше время книги обычно дрессируются, а гниги — нет. Их просто не принимают всерьёз или предают академическому закланию. Но на самом деле гниги всё ещё опасны, как и хорошие книги. Это понимал Делёз, поэтому он постоянно детерриторизировался — от книг к гнигам и обратно.

Открыв гнигу, читатель рано или поздно чувствует себя потерянным. Слова и фразы, имеющие устойчивое значение в обычных книгах, теряют свои значения в гниге. Эта потеря и есть подарок гниги. Не иметь — вот высший и самый блаженный дар.

Уровень созерцания, достигаемый читателем благодаря гниге, велик. С этого уровня язык открывается уже не как средство информации и обыденного общения, не как инструмент пропаганды, клятвенности или клятвопреступления. Язык, обнаруживаемый в гниге, — это «слова в охапку»,

пейзажи или натюрморты слов, набор загогулин или пустота. Это слова, не имеющие определённого значения, недослова, и неслова. Так бывает в разговоре, когда ты слушаешь кого-то, но не воспринимаешь значение слов, а только факт и фактуру (тембр) говорения. Это странно, чудесно.

Обычно ты пытаешься реагировать на смысл того, что слышишь. Ты отвечаешь.

Но гнига не требует ответа. Скорее, она хочет молчания (а мычание, урчание и бурчание в ней уже есть).

Гнига хочет, чтобы слова во рту жевались, размягчались, растворялись и гнили в зубах и в кишке вместо того, чтобы они выплёвывались и обменивались, сновали туда-сюда в непрожёванном виде.

Гнига не хочет лжи, халтуры, газетчины, Интернета, показухи, болтовни, угроз, наставлений и увещаний.

Иногда гнига хочет смеха. Пример — «Заклятие смехом» Хлебникова.

Или она хочет лежать и смотреть в небо — своей задней обложкой.

Но чаще всего она не хочет ничего.

Гнига не хочет даже себя.

И уж конечно, её тошнит и пучит от литературы.